

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

А. В. СУПЕРАНСКАЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЛФАВИТ И МЕЖДУНАРОДНАЯ
ТРАНСКРИПЦИЯ

Потребности неуклонно расширяющихся международных экономических и культурных связей вызывают к жизни идеи создания единого международного языка или по крайней мере единого международного алфавита для всех существующих языков. Авторы проектов таких алфавитов обычно стремятся придать международный характер латинскому письму как путем распространения его на нелатинопишущие и бесписьменные языки, так и путем частичного реформирования орфографии тех языков, где этот алфавит уже применяется. В качестве основы международного алфавита выбирают именно латинский потому, что он имеет, пожалуй, самое широкое распространение на земном шаре. Но функционирование букв латинского алфавита в разных языках настолько различно, что о действительной международной его вряд ли приходится говорить. Это объясняется тем, что 26 букв латинского алфавита оказалось совершенно недостаточно для передачи всего многообразия звуков тех языков, которые он обслуживает, поэтому его пришлось расширить путем введения особых начертаний, диакритических значков и условных буквосочетаний. Поскольку для каждого языка эта задача решалась без учета уже существующих знаков для аналогичных звуков других языков, общее число полученных в результате единиц оказалось очень велико. Вебстер насчитывает их 236¹. При этом в ряде случаев аналогичные звуки изображаются различными графическими средствами, например: норв. *ф* и швед. *ö*, исп. *ll* и португ. *ll*, алб. *ll* и польск. *l*. Но и за вычетом этих случаев общее количество графических единиц, необходимых для различных языков, очень велико. При таком положении вещей было бы трудно говорить о создании единого латинского алфавита с единым значением входящих в него графических единиц. Уже такие языки как французский и немецкий, различающие по двадцать согласных звуков, требуют введения в международный алфавит нескольких специальных обозначений. Таких обозначений требуется тем больше, чем шире становится сфера распространения этого алфавита. Так, арабский язык различает 28 согласных, турецкий — 33, санскрит — 34, хиндустани — 35 (включая же придыхательные — 47), а все вместе эти языки различают до 50 разновидностей одних только согласных, что почти вдвое превышает общее количество букв латинского алфавита.

Тем не менее попытки создания международного алфавита имели место²

¹ См. «Webster's biographical dictionary», Springfield, Mass., 1943, стр. XXIII — XXXII.

² Перечень некоторых проектов содержится, например, в статье Н. В. Юшманова «Опыты всемирного алфавита» (см. сб. «Культура и письменность Востока», кн. IV, Баку, 1929).

и продолжают предприниматься до сих пор. Здесь намечаются, в основном, два направления: а) графическое — создание международного алфавита, б) фонетическое — создание международного фонетического письма.

Из проектов международного алфавита наиболее хорошо продуманным и теоретически обоснованным был алфавит Лепсиуса¹. Автор указывал, что приспособить этот алфавит к бесписьменным языкам проще, чем перевести на него языки, обладающие своей письменностью, поскольку во втором случае надо будет сначала преодолеть исторически сложившиеся традиции искомого алфавита, которые народы хранят даже в том случае, когда последний не вполне соответствует тому, что должен отражать. Поэтому в тех случаях, когда существует своя оригинальная система письма как, например, деванагари, следует говорить, по мнению Лепсиуса, в первую очередь о транскрипции современного и древнего произношения и только после этого — о применении международного алфавита для письма на этом языке. Роль этого стандартного алфавита была преувеличена. Конечно, он может быть использован для бесписьменных языков, но заменить собою уже существующие системы письма, выработанные веками и подкрепленные традицией, он не может. Тем не менее вполне возможно применение этого алфавита в целях транскрипции при изучении языков, имеющих письменность не на латинской основе или на латинской основе со значительным расхождением между написанием и произношением.

В системе Лепсиуса (хотя она основана главным образом на фонетических началах) отдается дань традиционному написанию, в силу чего ряд знаков применяется скорее как транслитерационные, а не как действительно необходимые для передачи звуков того или иного языка. Так, например, для передачи старославянского *ѣ* вводится знак *i*, а для русского *ѣ* — знак *e*, хотя для первого было бы вполне достаточно обычного *i*, а для второго — *e*. В записи иностранных текстов Лепсиус придерживался орфографии каждого языка, не отражая в своей транскрипции действующих фонетических законов (озвончение, оглушение, ассимиляция). Всего алфавит Лепсиуса содержит 186 букв с диакритическими знаками и без них.

Иначе подошла к разрешению этой задачи Международная фонетическая ассоциация (МФА), которая при создании международного фонетического алфавита опиралась на теорию фонем и исходила из того, что произносится, а не из того, что пишется. Один из активных членов Ассоциации Д. Джоунз писал, что алфавит МФА должен в первую очередь применяться в практических целях (реформа правописания, введение письменности для бесписьменных народов, устное изучение иностранного языка), а также в научных работах, где необходимо отразить различные оттенки произношения (в последнем случае используются диакритические знаки)².

Международная фонетическая ассоциация была создана в 1886 г. небольшой группой французских профессоров во главе с П. Пасси. Они с успехом использовали фонетическое письмо для преподавания английского языка и решили популяризировать свой метод. В 1888 г. этими профессорами был выработан фонетический алфавит, на котором начал издаваться журнал «*Le maître phonétique*», выходящий до настоящего времени. В этом журнале алфавит буквенный был заменен алфавитом МФА. Позже

¹ C. K. Lepsius, Standard alphabet for reducing unwritten languages and foreign graphic systems to a uniform orthography in European letters, 2nd ed., London—Berlin, 1863.

² См. D. Jones, Das System der Association phonétique internationale, «*Lautzeichen und ihre Anwendung in verschiedenen Sprachgebieten*», Berlin, 1928, стр. 18.

алфавит МФА распространили и на другие языки, с внесением соответственных корректив и добавлений.

Создатели МФА, как и Лепсиус, исходили из «международного употребления латинских букв», т. е. для каждого звука выбирали букву, изображающую его в наибольшем числе (европейских) языков. Так, *v* и *z* взяты по их употреблению во французском, английском, чешском языках, несмотря на иное применение их в языках немецком и испанском; *j* взят по его употреблению в немецком, голландском и скандинавских языках¹. Однако такой выбор букв не всегда удовлетворителен.

Основным принципом системы МФА, как и системы Лепсиуса, является однозначность, т. е. изображение одного и того же звука только одной буквой. Во избежание неверных ассоциаций для букв, обозначающих разные звуки в разных языках Европы, Лепсиус ввел диакритические значки, разбивающие эти ассоциации (например, *i* и *é* для обозначения звуков [dʒ] и [tʃ], *q* и *ç* для обозначения [dz] и [ts] и т. п.). МФА, наоборот, стремилась избежать диакритики и использовала перевернутые и оборотные буквы, а также буквы греческого алфавита. Однако этот принцип был выдержан не до конца, и для аффрикат [tʃ], [dʒ] были употреблены диграфы. Не удалось полностью обойтись и без диакритики: в редакции 1947 г. к алфавиту МФА прилагается 24 диакритических значка, не считая ударений.

В качестве наиболее существенных недостатков системы МФА отмечают употребление значков не в их общепринятом значении. Например, кружочек под буквой (*u*) большинством ученых употребляется в качестве знака слоговости сонанта, фонетистами же МФА он долгое время применялся в качестве знака глухости звука². Поэтому написание *vatu* не давало возможности определить, является ли последний звук слогаобразующим, звонким или же глухим, неслогообразующим. В первом случае это будет шведской, а во втором — исландской формой слова «вода»³.

Критикуя систему МФА, О. Есперсен в числе других ее недостатков указывал также, что «запас знаков международного фонетического письма настолько недостаточен, что многие важнейшие варианты не могут быть отражены при помощи его»⁴. Однако сравнительно небольшое количество знаков в алфавите МФА (80, затем 82) можно считать не только недостатком алфавита, но и достоинством, так как это способствовало его практическому применению, ибо для того чтобы система успешно применялась и имела практическое значение, она должна быть максимально наглядной и не включать в себя чрезмерно большого количества знаков. Этим требованиям отвечает система МФА, знаки которой нужно понимать функционально, а не материально, т. е. обозначать ими следует не все оттенки звучания, а лишь фонемы в их функционировании в речи. Это было ясно уже Лепсиусу, который писал: «Все специальные диакритические значки не нужны в тех языках, где ни одна из основных букв не имеет двойного значения. В этом случае надо просто писать основную букву: *e*, *o*, *s*»⁵. Д. Джоунз придерживается того же мнения относительно количества букв для транскрипции каждого данного языка, проводя при этом фонологическую точку зрения. Например, он считает, что для изображения цереб-

¹ См. «Exposé des principes de l'Association phonétique internationale», [Leipzig], 1908, стр. 6.

² В транскрипции МФА редакции 1947 г. этим значком также обозначается слоговость.

³ См. «Phonetische Transcription und Transliteration. Nach den Verhandlungen der Kopenhagener Konferenz in April 1925», Heidelberg, 1926, стр. 13.

⁴ О. Есперсен, *Lehrbuch der Phonetik*, Leipzig—Berlin, 1904, стр. 134; ср. также М. Грамонта, *Traité de phonétique*, Paris, 1950, стр. 29.

⁵ С. К. Лепсиус, указ. соч., стр. 79.

рального *n* в языке хинди не следует вводить особого знака, так как оно встречается там только перед *t* и *d* и является вариантом *n*; в языке же пенджаби, где этот звук является самостоятельной фонемой, для него нужен особый знак η ¹.

Недостатки системы МФА мешают ей сделаться действительно единой и международной, хотя она применяется многими и является лучшей и наиболее широко известной из фонетических систем. Эти недостатки стимулируют создание других, более совершенных систем. Оценивая систему Лепсиуса и систему МФА с практической точки зрения, отметим, что ни одна из них (не говоря о многих других системах, которые остались только проектами) не смогла и не сможет заменить собой исторически сложившиеся системы письма и в лучшем случае будет выполнять лишь роль транскрипции. Характерно, что практически более применимой оказывается система, составленная для определенной группы родственных языков, нежели система, составленная абстрактно для всех языков мира. Именно в этом и состоит преимущество системы МФА, выработанной на основе романских и германских языков, перед системой Лепсиуса. Для славянских языков также был создан ряд систем (например, общеславянская азбука А. Гильфердинга, состоящая из 61 знака — русские буквы с диакритическими значками и без них²), но практического применения они не нашли.

Любой алфавит отражает фонемный состав того или иного языка, «международных» фонем не существует, поэтому и составить единый международный алфавит с единым значением его букв невозможно. Из опыта создания искусственных международных языков можно сделать вывод, что создать новый язык с новым алфавитом легче, чем создать новый алфавит для уже существующих и имеющих письменность языков и перевести последние на этот новый алфавит, особенно если иметь в виду культурную историческую традицию, наличие значительной литературы на каждом языке, наконец, просто привычку народа к своей письменности. Кроме того, замена одной системы письма другой всегда сопряжена со значительными фонетико-орфографическими трудностями³.

В СССР сторонником создания подобного международного алфавита был Л. В. Щерба. Он считал, что «узкое деячество и отсутствие более широких перспектив испортили „новый латинский алфавит“ (для народов СССР. — А. С.), который мог бы быть очень интересным предприятием международного значения...» и мог бы явиться одним из шагов по пути создания международного алфавита⁴. Недостатки этого нового алфавита были обусловлены также отсутствием координации и унификации его с уже существующими латинскими алфавитами других языков, родственных тем, для которых создавался новый алфавит. Так, например, в турецком языке *с* обозначает звук [дж], *ç* — [ч]; в узбекском же наоборот: [дж] обозначался буквой *с*, а [ч] — буквой *ç*. Подобные недочеты свойственны и новым алфавитам тех же языков (на русской основе). В этом, последнем по времени алфавите аналогичные звуки нескольких родственных (и неродственных) языков обозначаются разными буквами. Так, звук

¹ D. Jones, указ. соч., стр. 19.

² А. Гильфердинг, Общеславянская азбука, СПб., 1871.

³ Проводимая в настоящее время реформа китайской письменности не опровергает данного положения, поскольку она представляет собой, с одной стороны, упрощение начертания иероглифов, а с другой — распространение «путунхуа» (общедоступного разговорного языка), своего рода искусственного языка, слова которого изображаются при помощи фонетической транскрипции. Кроме того, транскрибируются и некоторые иероглифы, главным образом изображающие собственные имена.

⁴ См. Л. В. Щерба, Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий, ИАН ОЛЯ, 1940, № 3, стр. 122—123.

[дж], одинаковый для многих языков Средней Азии, передается в узбекском и киргизском алфавитах через ж, в туркменском и уйгурском — через ж, в таджикском — через ж; задненёбный носовой у казахов, киргизов, туркменов изображается ң, у узбеков и каракалпаков — ɳ¹. Подобных примеров можно привести очень много. Разнобой в обозначении одинаковых звуков усиливает актуальность вопроса о пересмотре алфавитов этих языков² и о создании для них единой научной транскрипции на основе, видимо, русского алфавита как наиболее известного всем народам Советского Союза. Создание транскрипции тем более необходимо, что в состав СССР входят народы, пользующиеся письмом не на русской основе (грузины, армяне, прибалтийские народы). Проводя эту работу, необходимо учитывать опыт как русских, так и зарубежных лингвистов.

В России в конце XIX — начале XX вв. создавалось немало проектов системы транскрипции. Среди них можно отметить проект Н. Дурново — Д. Ушакова³, составленный на латинской основе. Гласные в нем представлены таблицей из 30 квадратов по 4 гласных в каждом. Эти 120 гласных изображают все возможные гласные артикуляции и их оттенки. Знаков для согласных в проекте мало, там представлены только согласные русского языка. Авторы проекта, очевидно, убедились в том, что трудно оперировать слишком большим числом знаков, и в практических целях разработали краткий вариант, где число гласных сокращено до 18.

Удачнее была более ранняя по времени «Русская лингвистическая азбука» (РЛА)⁴, разработанная В. В. Радловым, В. П. Васильевым и К. Г. Залеманом при участии И. А. Бодуэна де Куртенэ. РЛА широко применялась русскими исследователями восточных языков. Л. В. Щерба, отмечая достоинства РЛА, считал, однако, что едва ли она имеет большие шансы на широкое распространение, благодаря ассоциациям кириллового алфавита, положенным в ее основание⁵. Но недостаток указанной системы транскрипции состоит не в том, что она основывается на русском алфавите, а в том, что она целиком не выдержана в духе этого алфавита: в ней есть такие знаки, как π, β, f, w, l, r, ρ, δ, з, χ, ρ, γ, h, создающие новые ассоциации и разбивающие привычные ассоциации русского алфавита.

Возражения против употребления русской азбуки в качестве основы для фонетической транскрипции раздаются довольно часто. Они сводятся в основном к тому, что при виде слова, написанного русскими буквами (хотя бы и с диакритикой), у читающего возникают привычные для русского языка ассоциации, и он читает его на русский лад, т. е. палатализуя согласные и редуцируя гласные там, где это обычно для русского языка. Однако таким же образом можно прочесть и слово в транскрипции, составленной на латинской и на любой другой основе, если нет навыка произношения на языке, к которому эта транскрипция применена. Не надо забывать также, что русский алфавит лежит в основе целого ряда алфавитов других народов, у которых с каждым знаком русского алфавита сопряжены другие ассоциации. Следовательно, нет оснований считать указанные возражения достаточно вескими. Новую транскрипцию надо создавать

¹ См. Дж. Х. Кармышева, Об отражении различий в алфавитах республик Средней Азии и Казахстана на транскрипции географических названий, «Уч. зап. Казах. ун-та», т. XVIII — Геология и география, вып. 2, Алма-Ата, 1954, стр. 19.

² Об этом см., например, статью А. К. Борова в «К вопросу об унификации тюркских алфавитов в СССР» («Сов. востоковедение», 1956, № 4), содержащую ряд конкретных предложений.

³ Н. Н. Дурново и Д. Н. Ушаков, Проект системы знаков для фонетической транскрипции, [М., 1910], литогр. рукопись.

⁴ См. Л. В. Щерба, К вопросу о транскрипции, СПб., 1912, стр. 19—20.

⁵ См. там же, стр. 3—4.

именно на русской основе, так как только такая транскрипция будет максимально знакомой и понятной, а следовательно, и наглядной для народов Советского Союза, для языков которых она в первую очередь должна предназначаться.

Спорным является вопрос о характере этой транскрипции, т. е. должна ли она быть основана на чисто фонетических или фонетико-фонологических принципах. Первой точки зрения придерживается Л. Р. Зиндер, который считает, что транскрипция должна быть только фонетической, стремящейся обозначить все свойства данного звука, независимо от его языковой функции, и что каждому возможному звуковому типу должно соответствовать одно определенное обозначение, будь то простой знак-буква или буква с диакритическими знаками¹.

Л. Р. Зиндер предлагает свою систему транскрипции², знаки которой подобраны соответственно перечню основных звуковых типов и дополнительных артикуляций, установленных Л. В. Щербой. Эта система построена на основе букв русского алфавита, к которым может присоединяться один или несколько диакритических значков, например, 'e: — долгое, напряженное, отодвинутое, ударное; k^{10c} — палатализованное, лабиализованное, аспированное. Одни из применяемых Л. Р. Зиндером диакритических значков взяты из алфавитов, другие — из различных систем транскрипций. Одни из этих значков (слоговость *м*, назализация *о*) являются распространёнными, другие (ретрофлексность *т*, какуминальность *д*, делабialisация *б*) встречаются на практике довольно редко, а иногда и с другими значениями (ср. *б* — сербское мелодическое ударение; *о* у Лепсиуса — огубленность; *т* — дорсальность в системе МФА). Таким образом, применяемые Л. Р. Зиндером значки не равноценны. Следует к тому же отметить, что система Л. Р. Зиндера, при всей ее обстоятельности, все же является недостаточно точной в фонетическом отношении, потому что, указывая на качества дополнительных артикуляций, она не дает сведений о степени качества (палатализации, веляризации, аспирации), что также очень важно.

В проекте Л. Р. Зиндера имеется тот же недостаток, что и у Дурново — Ушакова, — слишком большое количество знаков. Есть в его работе и недостаток, свойственный «Русской лингвистической азбуке»: в алфавите, составленном на русской основе, имеются вкрапления латинских и греческих букв. Это может вызвать недоразумения. Например, введение в таблицу знака *i* делает сомнительным применение знака *y* — его можно читать и как русское «у», и как польское «и», и как скандинавское «и»³. Мешают ассоциациям со знаками русского алфавита и такие буквы, как *π*, *β*, *θ*, *δ*, *f*, *v*. Слишком подробная фиксация всех качеств транскрибируемых звуков без отделения основных качеств от второстепенных, не осознаваемых подчас носителями того или другого языка, чрезвычайно усложняет применение транскрипции Л. Р. Зиндера, делая ее достоянием узкого круга высоко квалифицированных специалистов⁴.

Нам нужна транскрипция, которая имела бы широкое практическое применение среди массы лингвистов. Такая транскрипция должна быть максимально простой, не имеющей излишних знаков, и, следовательно,

¹ См. Л. Р. Зиндер, Общая фонетика, Докт. диссерт., [Л.], 1954, стр. 632—633.

² Там же, стр. 647 и таблицы.

³ Правда, *i* имеется в таких алфавитах на русской основе, как украинский или казахский, и было принадлежностью русского алфавита до реформы 1917 г., но, поскольку речь идет о применении современного русского алфавита в качестве базы для новой транскрипции, введение *i* нарушит привычные ассоциации его.

⁴ На чрезмерную сложность акустико-физиологической транскрипции указывал даже один из сторонников ее В. И. Лыткин (см. В. И. Лыткин, Фонема и научная транскрипция звуков, «Р. яз. в шк.», 1946, № 3—4, стр. 11).

должна основываться на фонематизме. В системе же Л. Р. Зиндера, перегруженной диакритикой, теряет ценность основной вид буквы без дополнительных значков, а ориентироваться следует именно на него. Дело в том, что звуков существует бесконечное множество; любое незначительное изменение конфигурации ротового резонатора, положения губ или языка создает уже гласный нового качества; в свою очередь небольшой сдвиг языка при образовании затвора согласных или произнесение согласных с большей или меньшей силой выдоха, с тихим или придыхательным приступом или отступом создает согласный иного качества. Если для обозначения каждого оттенка того или иного звука применять особый знак — для создания системы транскрипции не хватит никакого алфавита, введение же новых знаков после определенного предела не облегчает, а затрудняет транскрипцию. Поэтому при транскрибировании текстов тех языков, в которых не существует фонематического противопоставления однотипных звуков, излишне вводить новые знаки для передачи каждого оттенка их. Например, различные звонкие и глухие «г» получают в системе МФА следующие изображения:

	звонкие	глухие
артикулируется кончиком языка с раскатами	г	г̣
» » » без раскатов	г̣	г̣̣
» маленьким язычком с раскатами	Р	Я
» » » без раскатов	И	И

В большинстве случаев эти звуки не имеют фонематического противопоставления внутри одного и того же языка, поэтому в практических целях часто можно ограничиться написанием простого *г*. Ведь все эти знаки понятны только специалисту, подробно изучающему фонетику того или иного языка, а он и без данных знаков знает особенности произношения того или иного звука.

Для научной классификации звуков недостаточно обозначить их транскрипционно, надо дать и подробное их описание, а там, где это описание имеется, нет необходимости пометать в транскрипции отдельные детали. Обозначать в транскрипции особые качества звуков следует лишь в тех случаях, когда на них основывается фонематическое противопоставление двух или нескольких звуков (кирг. *н* и *н̣*) либо когда произношение звука в каком-нибудь языке очень специфично и не похоже на аналогичные звуки других языков. Отмечать эти качества придется, очевидно, диакритическими значками. Диакритические значки при знаках транскрипции не вполне аналогичны диакритическим значкам, применяемым в алфавитах. Последние просто указывают на то, что буква со значком должна читаться иначе, чем без значка. В транскрипции же каждый из таких значков должен указывать на строго определенное качество, причем для обозначения каждого качества надо выбирать знак, применение которого для этой цели наиболее распространено.

Как видно из разбора ранее созданных систем транскрипции, новую фонетическую транскрипцию для языков народов Советского Союза следует создавать на основе русского алфавита без смещения со знаками других алфавитов. Она должна легко усваиваться, быть простой и наглядной, т. е. не перегруженной знаками — как основными, так и диакритическими. В новой транскрипции должны быть отражены только существенные фонематические черты. Поэтому дополнительные значки в нее следует вводить лишь тогда, когда в одном языке имеются две или более артикуляционно-акустически родственные фонемы, не имеющие специального обозначения буквами русского алфавита. Применение этой транскрипции не

должно вызывать затруднений ни при письме от руки, ни при печатании в типографии.

При составлении подобной транскрипции можно опираться на те артикуляционные особенности, которые отмечает Л. Р. Зиндер. Этих особенностей он насчитывает 29 — апиальность, аспирация, веларизация, геминация, глухость, гортанная смычка, долгота, делабиализация, закрытость, звонкий конец, звонкое начало, имплозивность, какуминальность, краткость, лабиализация, назализация, нормальная длительность, напряженность, ненапряженность, отодвинутость, палатализация, полудолгота, продвинутость, ретрофлексность, сверхдолгота, слоговость, сонантность, фарингализация, шумность¹. К ним можно добавить еще 9 черт: деназализацию, дорсальность, звонкость, корональность, лабиовеларизацию, открытость, отступ, приступ, эксплозивность.

Лучше всего, подобно МФА, начать с создания транскрипции для конкретной группы языков, для которых такая транскрипция необходима, например тюркских языков Советского Союза. Нужно уточнить, какие из вышеперечисленных качеств являются в этих языках фонематическими, дифференциальными и, следовательно, должны быть отражены в транскрипции, а какие являются просто наполняющими, интегральными. Надо отобрать дифференциальные качества фонем этих языков и придать каждому из них совершенно определенное обозначение в транскрипции (лигатура, диакритический значок к основному варианту написания, перевернутая или оборотная буква). При этом можно руководствоваться алфавитами данных языков, выбирая в транскрипционных целях наиболее удачное (как с фонематической, так и с типографской точки зрения) буквенное изображение соответствующих звуков в национальных алфавитах. Совершенно очевидно, что в этой транскрипции будут обозначены не все, а лишь некоторые из перечисленных выше качеств, к которым, возможно, придется добавить еще какие-то качества, являющиеся фонематическими для того или другого из языков.

При подборе знаков для новой транскрипции необходимо, чтобы между этой транскрипцией, предназначенной для тюркских языков, и графикой других языков Советского Союза не было резкого противоречия, потому что, если опыт будет удачен, его вскоре же надо будет распространить и на другие языки. Общее количество знаков транскрипции будет безусловно больше, чем нужно для транскрибирования текстов того или иного языка. Ряд артикуляторно-акустических особенностей может первоначально не получить отражения в транскрипции, но знаки (наиболее употребительные) для них должны быть резервированы. Тогда новая транскрипция в целом будет потенциальной системой, из которой в каждом конкретном случае будут выбираться реально необходимые единицы. Это позволит, с одной стороны, расширять применение ее на новые группы языков, а с другой — постоянно держаться в рамках более или менее ограниченного количества единиц, не перегружая транскрипцию излишними деталями.

¹ См. Л. Р. Зиндер, указ. диссерт., стр. 647.